

МИР КЛАССИКА

В своей новой книге «В мире Достоевского» Юрий Селезнев стремится приобщить читателя ко всему комплексу основных идей писателя, показать истоки его мироотношения, вскрыть глубинную подоснову его стиля. Эта работа — итог многолетнего изучения, напряженных раздумий над страницами великих творений. Здесь очень редки общие рассуждения об особенностях художественной манеры классика; анализ развертывается на уровне фразы, интонации, отдельной части речи. Это тот подход, к которому призывает М. М. Бахтин: изучать слово в его многообразных отношениях к культурным, идейным контекстам эпохи. Автор приводит место из рассказа Чехова, где говорится о той великой незримой цепи, связующей поколения, от прикосновения к одному концу которой начинают звучать звенья, отделенные громадными пластами времени. То же происходит и на страницах исследования Ю. Селезнева: касаясь слова в прозе Достоевского, автор заставляет отзываться иные культурные эпохи. Постоянно подчеркивается: Достоевский мог явиться только на столбовой дорожке мировой культуры, это не «беззаконная комета». «Самый русский из всех русских пи-

сателей», он, оставаясь нашей национальной гордостью, принадлежит всему человечеству.

Будучи писателем всемирного значения, он, естественно, впитал и выразил в своих произведениях основные творческие идеи, от века озарявшие исторические пути народов. Эпохи перекликаются в романах русского классика: отголоски мироощущения древних песнопевцев-пророков Европы и Индии, этические представления первохристианских времен; мотивы культуры зрелого Возрождения прочтываются в «Идиоте», «Бесах», «Подружке», «Братьях Карамазовых», «Преступлении и наказании». Материал, привлеченный исследователем при осмыслении этой многоплановости произведений писателя, весьма разнообразен, он принадлежит часто совершенно не связанным между собой пластам — фольклор разных народов, памятники письменности умерших цивилизаций, эпос Греции, творения средневековых поэтов и мыслителей, сочинения современных истолкователей жизненного пути русского гения.

Размышления об истоках мировоззрения Достоевского естественно приводят автора к необходимости формулировать самые общие положения, касаю-

щиеся существенных моментов в культурной истории человечества. Многие из них оригинальны и в то же время вовсе не дискуссионны — настолько доказательно и глубоко проведен анализ. Так, весьма основательным представляется мнение Ю. Селезнева о том, что роман как литературная форма становится возможен в результате изменения представлений античного человека о времени — это связано с приходом нового религиозного сознания. «Мир — новозаветный мир в основе своей — это мир принципиально незавершенного настоящего; он и есть как раз преодоление ветхозаветного мироустройства. Через появление мессии — искупителя этот мир получает теперь цель — идеал совершенствования. Сознание, двигавшееся по замкнутому кругу, теперь как бы разрывает эту роковую обреченность и устремляется в неповторимое, хотя и неизбежное будущее. Создаются первые предпосылки и для истинно исторического время-ощущения, а значит, и для художественного сознания романного типа». Достоевский — вершина культуры, в системе которой роман сделался одной из главных форм художественного познания мира, в известном смысле недосигаемый пик

в истории этой культуры. Оттого изучение его творений на всех уровнях приобщает нас к каким-то краугольным представлениям, лежащим в основе современных моральных ценностей. Добро и Зло, Свобода и Рабство, Красота и Безобразие — их противостояние в сердцах людей, населяющих мир Достоевского, находит соответствие в самом стиле, в образе мышления писателя. «Взрывное», антиномичное слово свидетельствует о своего рода монолитности мировоззрения романиста. Не может быть поэтоому и речи о декадентской надломленности, разорванности его сознания.

Книга Ю. Селезнева во многих разделах полемична. И это понятно — слишком уж неакадемична наука «достоевведение». Стоявший в центре идейных исканий своего века, автор «Карамазовых» давал настолько неоднозначные ответы на вопросы времени, что даже точное прочтение их доныне становится предметом дискуссий, а облик Достоевского все «ускользает» при попытке четко определить его своеобразие. Фрейдисты, толкования которых приводятся на страницах рецензируемой книги, тащут гения с высот, пытаются объяснить его наследие разного рода комплексами. Другие исследователи схематизируют творчество писателя и, возведя в догму какое-то положение (к примеру, «двойничество», «противоречивость»), подгоняют

все факты жизни классика под полюбившийся «расклад». Ю. Селезнев указывает, что подобные взгляды могут только помешать подлинному проникновению в мир Достоевского. Он устанавливает как раз цельность, стройность мировоззрения писателя — колебания, раздвоенность героев его книг совершенно неправомочно относить на счет самого Достоевского. Если бы не было единства в личности творца, то и созданный им художественный мир был бы не целостным, мозаичным, лишенным стержня. «Мир Достоевского — не только отражение тоски по утраченной гармонии, но и ее воплощенная жажда. Сквозь хаос текущего просвечивает организующий образ мировой целокупности, веры в гармонию и в ее реальную необходимость». Но не только в творческой практике — в своих взглядах по основным вопросам нравственного, социального порядка Достоевский был весьма принципиален и тверд.

В книге «В мире Достоевского», как и в других работах Ю. Селезнева, привлекает стремление добраться до глубоких культурных пластов, составляющих фундамент любого крупного литературного явления. Только в таком подходе видится гарантия того, что оценки, даваемые исследователем, в наибольшей степени приблизятся к объективности.

Сергей ПЛЕХАНОВ